

II. «Весна и осень здесь короткие» – в Тункинском селении, или на краю света

Тунку в ноябре 1865 года определил в качестве места изоляции польских ксендзов генерал-губернатор Восточной Сибири Михаил Семенович Корсаков. К этому шагу его подтолкнуло заключение (на основе наблюдений) властей, будто ксендзы оказывают слишком сильное влияние на дух соотечественников, способствуют сохранению польских традиций, языка и религиозности, препятствуют ассимиляции и заключению смешанных браков с сибирячками православного вероисповедания – словом, заботятся о цельности сообществ польских ссыльных, об укреплении национальной идентичности поляков, которых раскидало по сибирскому морю. Власти считали, что ксендзы пробуждают в соотечественниках опасный «религиозный фанатизм». Точка зрения некоторых современных нам историков, что духовных лиц отправили в Тунку за политическую пропаганду, которую те будто бы вели в Сибири, никакими фактами не подтверждается.

В Тунке планировалось собрать всех ссыльных священников: с рудников и промышленных предприятий Забайкальского края, в частности с серебряных и медных рудников Акатуя (Акатуйский рудник; в 1866–1868 годы там находилось в общей сложности около семидесяти ксендзов) и из расположенного в восемнадцати верстах от Акатуя Александровска (Александровский завод), с Нерчинского завода (Нерчинский большой завод), металлургического завода в Петровске (Петровский железоделательный завод), речного порта буксиров и барж для русской армии в Сиваковой (Сивяково) на реке Ингоде, с расположенных ближе к Иркутску двух других предприятий – солеварни в Усолье (Иркутский солеваренный завод) на Ангаре и с винокуренного завода в Александровске (Иркутский винокуренный завод),

а также расселенных по отдаленным уголкам Енисейской и Иркутской губернии (и, возможно, также Якутии, хотя нам не удалось найти документы, подтверждающие предположение, что там жили польские духовные лица).

Из этих сибирских областей ссыльных сначала направляли в Иркутск. Освобожденных с забайкальской каторги отправляли в Читу, а оттуда небольшими пешими арестантскими партиями, под стражей, отсылали в сибирскую столицу. Легче всего, видимо, добирались до Иркутска иркутские, енисейские и красноярские поселенцы (последних сперва доставляли в Енисейск и Красноярск) – их везли на подводах. Перед дорогой власти по-полняли «казенное» обмундирование; зимой полагались: шуба, полушубок, кафтан, рубаха, портки, шаровары, рукавицы, шапка, два вида онучей и два мешка для вещей – зимний и летний. Обмундирование включало в себя также кандалы, но иногда ссыльные шли без них.

Прибыв в Иркутск, кое-кто оставался там на некоторое время по казенным делам или из-за проблем со здоровьем, других почти сразу отправляли в Тунку. Путешествие из Иркутска в Тунку – на телегах – продолжалось несколько дней; ехали вдоль Иркуты, затем через горную цепь Еловый хребет. Добирались до южного конца Байкала, до деревни Култук, где дорога разделялась: на восток – к Чите и Нерчинским рудникам, и на запад – к Тункинской долине и Монголии.

За Иркутском, – описывал этот путь ксендз Жискар, преувеличивая размеры преодолеваемых горных массивов, – «тракт идет через горы почти параллельно реке Иркут, порой спускаясь к самому берегу. [...] Пройдя низкие луга Веденщины, мы приближаемся к гористой местности. Дорога тянется через гигантские горы, поросшие елями. От Мот до Култука почти все время простираются горы. [...] Начиная со станции Глубокинской высятся огромные горы, своей мощью и величием будто напоминающие человеку, сколь мал он и ничтожен в сравнении с этой дикой природой.

Путь тяжел. Каменистая, твердая почва, утрамбованная кибитками, под действием различных физических явлений обра-

зует массу неровностей, которые самым драматическим образом отражаются на состоянии колес. Хотя повсеместно можно видеть живописные группы ремонтирующих дорогу бурят в разноцветных одеждах, поддерживать ее в приличном состоянии трудно». Перед самым Култуком спускались с гор по крутому склону, с которого открывался прекрасный вид на Байкал, а за ним – снова горы: Хамар-Дабан.

От Култука дорога была уже более удобной, а «транспорт» порой меняли на местный. «Назавтра дали нам подводку на двух колесах, – описывал этот момент ксендз Ян Наркевич, – наподобие огромной лопаты. Оглобли продолжают за колесами почти на два локтя, на них помост, вот и вся телега. Худо-бедно мы разместили на ней свои вещи и сели, но удержаться можно было, только держась за руки. Как раз начиная с этого места, жители пользуются в основном такими телегами – из-за гор, частых и поднимающихся к самому небу».

Добирались до уходящей за горизонт горной котловины, предположительно двести верст, лежащей между грядami гор: с севера тянутся Тункинские Гольцы, достигающие в высоту более трех – трех с половиной тысяч метров, непреодолимые, являющиеся частью обширного Восточного Саяна, а с юга – Хамар-Дабан, пониже, но также мощный. На запад видно далеко, а в «конце этой дали южные горы соединяются с северными. К востоку ландшафт незначительно поднимается и скрывает горизонт». С северной стороны долины, за Тункой, в направлении Гольцов, разлились многочисленные озера и озерца – между болотистыми участками и степями; дальше от деревни, на запад, а также восток простираются леса, тайга.

Для тех, кто обладает богатым воображением, приведем живописное и выразительное описание долины, принадлежащее перу ссылного ксендза Миколая Куляшиньского из-под Люблина: «Эта котловина – обширное пространство, прорезанное рекой Иркут, которая, забрав с собой болотистую реку Тунку, величественно несет свои воды через пороги, словно забавляясь препятствиями, чтобы под городом Иркутском передать их большой и быстрой Ангаре. Эти две реки долины – водосборный

бассейн всей степи, ибо они собирают тысячи ручьев, бьющих у подножья и боков Саянских гор. Кроме того, в этой степи множество озер в ущельях или имеющих подземные артерии. Речка Селенга с невероятной быстротой выливается из северных балок и, разорвав скалы, преграждавшие ей путь, исчезает под землей так же молниеносно, как вырвалась из бездны. [...] Обрамляет долину, а точнее, степь, с северной стороны треугольная цепь гор, а с южной – овальная, яйцевидная, по которой течет шальная река Зун-мурин. Вторая цепь полностью покрыта растительностью, а первая – голая, белесая, поскольку поверхность у нее гранитная, кое-где – кварцевая. [...] Вся степь, насчитывающая около пятидесяти миль, имеет форму эллипса: линия, проведенная с востока на запад, разделяет его на две равные части; концы ее упираются в те места, где горы снижаются, и через них на восток ведет единственная дорога в деревню Култук, лежащую на самом берегу Байкала, затем в город Иркутск, а на запад – в Монголию. [...] Название степи или котловины – Тунк-хин, поселенцы превратили его в Тунку. С точки зрения административного деления, она относится к Иркутским губернии и округу».

Долину населяли, главным образом, буряты – народ монгольского происхождения, имеющий оригинальные язык, культуру, вероисповедание и обычаи; в то время наполовину оседлый, наполовину кочевой. Буряты заселяли редко разбросанные по долине улусы (скопища юрт), там они держали зимние юрты, а несколько летних – в разных точках степи, и переходили от одной к другой вслед за скотом и по мере необходимости смены пастбища. Некоторые буряты, особенно оседлые, жившие в Тунке, занимались земледелием. Реки, деревни, священные места на тех территориях носили таинственно звучащие для польских ссыльных названия: Зактуй, Аршан, Кырен, Кыренга, Тагархай, Туран, Монды или Нилова-Пустынь.

Официально уже тогда часть тункинских бурят была православной, но на деле большинство исповедовало ламаизм (буддизм) или шаманизм. «Это языческий народ, – сообщал другой знаток, ксендз Наркевич, – довольно честный по своей природе и совестливый, с трудом поддающийся усилиям православных

миссионеров, потому что урокам христианским они не внимают [...] костюм этого народа очень отличается от обычного [...] Язык весьма оригинален, дик, и буряты настолько в него влюблены, что редко знают русские слова, тогда как русские почти все говорят на их языке».

«Одежду бурята составляет китайская шляпа с каменным шариком и халат из любой материи в летнюю пору – зимой также халат, но из овчины, обшитой шелком, и унты (башмаки), подобным образом окаймленные, большей частью из шкуры косуль, с подошвой из лосиной шкуры. В самые суровые морозы бурят использует еще накидку вроде плаща без пелерины из собачьей шкуры или шкуры косули, спшитую шерстью наружу, и чувствует себя защищенным от суровой стихии.

Рост у них, как правило, средний, телосложение мелкое, лицо широкое, скулы выдающиеся, нос плоский; маленькие черные раскосые глаза, а кожа темно-коричневая, волосы у всех черные.

Мужчины бреют головы, оставляя только прядь волос на макушке, заплетаемых в одну косичку, к концу которой привязывается маленькая металлическая ложечка, служащая для чистки ушей. Девушки заплетают свои иссиня-черные волосы в множество косичек, и помимо обычной одежды носят нагрудник, вышитый серебряными монетами. Они отличные наездницы!» (М. Куляшинский).

Бурятские дома – четырех- или пятисторонние юрты – оригинально описывал ссылный Зигмунт Одживольский: «Деревянные, без окон, до половины уходящие под землю, с одним отверстием для входа, и другим в центре – через него выходит дым от постоянно горящего огня». «В юрте этой размещается вся кухонная и хозяйственная утварь, – писал этнограф-самоучка ксендз Куляшинский. – В центре постоянно горит огонь, а дым выходит через отверстие наверху. Над очагом на камнях стоит железный котел, обязательный предмет утвари степного кочевника: в нем хорошая хозяйка приготовит чай, приправленный молоком и мукой; в нем гонит тарасун, в нем готовит главное лакомство – саламак. На полках, прикрепленных к стене, – бочон-

ки, китайские деревянные лакированные мисочки для чая, тусса для ношения воды и тому подобные предметы. Кроме того, несколько плоских ящиков для одежды и войлока, без которых не обойтись степному кочевнику. [...] Слева от двери, на восточной стороне, стоят у стены деревянные ступеньки, на которых расставлены металлические вазочки, наполненные всеми плодами их земли, начиная с воды и кончая пшеницей, если таковая имеется. Благовония курятся постоянно, в знак величайшего почитания Бурхана (Бога). Его изображение – на дереве, порой на стекле или металле – прибито к стене. Бурхан обычно представлен в образе рогатой женщины в страшной позе, окруженной всеми земными творениями».

Религиозным центром степных кочевников Тункинской долины была пагода, называемая Кумирней, в улусе Кырен, в нескольких десятках верст к западу от Тунки. На западном конце долины стояла также православная церковь «Нилова пустынь» (названная так по имени основателя, иркутского архиепископа Нила), а рядом – «целебные ванны» теплых источников сульфатных вод, свойства которых открыли находившиеся там ранее русские декабристы.

Тунка – Тункинское селение – располагалась на левом берегу Иркутта, который течет от границы с Монголией, примерно в ста девяноста верстах от Иркутска и – в противоположную сторону – в ста пятнадцати верстах от китайской (точнее, монгольской) границы. На окраине деревни, у реки, находился военный приграничный пункт, а рядом – жилые дома двухсот солдат 5-й сотни Иркутского казачьего полка. В то время нигде больше в долине польских ссыльных не селили. Очень сомнительно, чтобы в тех краях появлялись типичные сибирские бродяги, а уже тем более беглые ссыльные. Так что попытка бежать из Тунки была бы отчаянным предприятием. Все это, видимо, предопределило выбор деревни в качестве места изоляции ксэндзов.

Два десятилетия спустя Тунку по-прежнему считали концом света – спившейся сибирской провинцией. «Тунка, – читаем мы в иркутской газете «Сибирь» за 6 февраля 1883 года, – представля-

ет собой полностью изолированное, богом забытое место. Горы, горы и горы! Местоположение великолепное – и что с того? Снова горы, а за ними? Монголия...».

Тогдашняя деревенька протянулась поперек котловины (в настоящее время – так же), с юга на север, по берегам двух левых притоков Иркута – Тунки и Ахалика. Новаковский писал: длиной «две мили [...], а в ширину имеет полмили», то есть, согласно сегодняшним единицам измерений, более четырнадцати километров в длину и примерно три с половиной километра в ширину. Она состояла из пяти «районов»: собственно Тунки, Токурка, России, Култучка и Казачьей; кроме того, за реками Тункой и Иркутом также находились части поселения, называвшиеся За Иркутом и За Тункой (в настоящее время – Затунка). «Все дома бревенчатые, окна частично из слюды; четвертую часть каждого дома занимает печь; под полом имеется глубокая яма под картофель, называемая *подполом*¹; рядом с печью, на столбах, под самым потолком, сооружены *полати* (лежанка), где озябший местный житель греется в суровые морозы». Вокруг деревни находились пастбища и подмокшие луга; с северо-восточной стороны – согласно описаниям и рисункам ксендза Куляшиньского – пахотные поля.

Крестьян жило там около пятисот, главным образом, потому-ки бывших поселенцев и ссыльных из европейской части страны и немногочисленные православные буряты. Почти все местные говорили на двух языках – русском и бурятском. Новаковский высказывает оригинальные суждения (быть может, не совсем безосновательные?): «Поселенцами были, вероятно, жители краев, прежде относившихся к Польше; безусловным доказательством может служить то, что обитатели этой деревни по сей день сохранили обычай носить белые рубашки с разрезом посередине, у шеи, тогда как по всей России носят цветные рубашки с разрезом у плеча». Позже сюда высылали также преступников и бывших солдат. Жители тогдашней Тунки занимались земледелием и скотоводством: «сеют рожь, пшеницу (яровую), ячмень, овес;

¹ Здесь и далее курсивом выделены слова, данные в оригинале по-русски.

о гречихе и просе едва слышали; горох только сахарный знают. В огородах сажают картошку, капусту, свеклу, морковь, репу; огурцы хотя иногда и сажают, но вызревают они редко».

В Тунке была одна главная улица, деревянные, из лиственницы или кедра, дома (сегодня застройка деревни по-прежнему деревянная) окружены заборами, рядом с домами – огороды и выгоны для скота, но иначе, чем в Польше – без деревьев и кустов.

«Дома в этой деревне некоторые вполне приличные, – вспоминал Наркевич, – стоят на расстоянии друг от друга, потому что при каждом огороде, а при некоторых даже обширные выгоны, где зимуют на разбросанном сене скот и лошади, а стойл и коровников местные жители не знают». Имелась еще вторая улица (в той части деревни, которая называлась Россия), тогда нежилая, состоявшая примерно из сотни домов, которые власти выстроили, предполагая заселить их бывшими ссыльными, солдатами или бродягами, «но когда те из них сбежали, все эти домики опустели. Кто что мог и хотел, оттуда по забирал; один – двери, другой – окна, пол, кирпичи из печной кладки; даже доски с крыш ободрали», – писал Новаковский.

Над деревней возвышались две церкви: одна «красивая», каменная, принадлежавшая крестьянам, вторая – деревянная, казачья. Было также несколько «лавочек» «с товарами европейскими и китайскими». Деревянная Николаевская церковь стояла на краю деревни, на берегу Иркута, близ казачьей станицы, рядом находилось деревенское кладбище. Каменный храм возвышался посреди деревни («Покровская церковь» стоит в Тунке по сей день). Ксендз Станислав Матрась вспоминал, что в те времена священником в главной церкви был поп Павел, а в казачьей – какой-то «благочинный» (настоятель), которого сменил после его смерти Иоанн Попов, сын архиерея Амурской епархии.

Климат в Тунке и Тункинской долине был суровый, зимой морозы достигали сорока градусов, но не слишком докучали, поскольку при таких низких температурах отсутствовал ветер. В деревне «всегда мало снега и редко можно было ездить на санях [...], хотя примерно в двадцати верстах его полно», – вспоминал ксендз Наркевич. Особенно в окрестных горах снега выпада-

ло много. После зимы быстро наступало жаркое лето, а после лета – долгая зима; весна и осень здесь очень короткие. «В мае морозы внезапно прекращаются и под действием солнечных лучей моментально вылезает трава; деревья тут же покрываются листвой – вот и лето без весны; почти так же внезапен переход от лета к зиме, без осени». «[...] весны тут почти нет, – писал в марте 1868 года другой священник, – сразу жара и лето. Оно быстро проходит – и вновь долгая зима. У нас [в Польше] иначе и лучше...» В тункинских степях бывали также «не ветры, а безумные смерчи, подхватывавшие все легкие предметы и уносившие по Туранской котловине в Монголию».

В среде светских сибирских ссыльных считалось, что, с точки зрения климата, Тунка – одно из лучших мест для поселения. Однако мало кто из священников с этим соглашался, полагая, что власти умышленно выбрали в Сибири самый страшный угол, чтобы усугубить их мучения. «Ничто, таким образом, не свидетельствует о том, что климат здесь здоровый, – характеризовал Тунку Новаковский. – Напротив, кожа у всех жителей увядающая, румянец на лице отсутствует, болезни (цинга, золотуха, скарлатина, перемежающаяся лихорадка, эпидемии тифа) не прекращаются, словом, все говорит о том, что поселение это, выросшее на месте прежнего озера, на заболоченных почвах, гнилое, а следовательно, и воздух здесь весьма нездоров». Затем он рассуждает о множестве озер, бездонных топях и болотных испарениях. «Среди огромных и страшных ущелий, сырой земли, тундры и вонючих болот лежит большая, раскинувшаяся по нескольким холмам, населенная дикими бурятами, злосчастная деревня Тунка», – писал в 1877 году в галицийской газете «Ведомости Косцельне» («Костельные ведомости») товарищ Новаковского по Тунке, бернардинец Мелехович. Писалось это, конечно, с целью воздействовать на воображение читателя и возбудить в нем сострадание. Ксендз Миколай Куляшиньский из Люблинской епархии, который с любознательностью открывателя прошел часть долины, добравшись до границы с Монголией, рассказывал о целебных свойствах разбросанных по всей долине минеральных, в том числе теплых вод.

Первых священников – человек десять с небольшим – привезли в Тунку в последние недели 1865 года; в конце ноября их видел в иркутской тюрьме – «в сутанах и пиджаках, бритых и с усами» – только что прибывший ссыльный Аугуст Ивашский-старший, шляхтич с Украины. Следующие партии доставили в Тунку зимой и весной 1866 года. Это были духовные лица, сосланные на поселение или под надзор полиции. К концу марта их оказалось в деревне около тридцати человек, а в июне – около пятидесяти. В следующие месяцы наплыв духовных лиц приостановился из-за вспыхнувшего на южном Байкале восстания польских каторжников, но затем прибыли те, кто освобождался с каторги в рамках первой амнистии 16 апреля 1866 года. В последующие годы в Тунку отправляли, главным образом, бывших каторжников, освобождавшихся после двух амнистийных манифестов 1868 года. Их записывали в категорию «казенных крестьян».

В первую группу попал Кароль Новаковский, лицо светское, брат капуцина Вацлава Новаковского, художник, студент варшавской Школы изобразительных искусств, известный участник манифестаций в столице 1861 года, а в Сибири – один из главных заговорщиков, планировавших вооруженное восстание. Во время этапа в Сибирь братья поменялись именами. Более крепкий физически Вацлав взял на себя приговор каторжных работ и был отправлен в Усолье на Ангаре, а Кароль как «духовное лицо» сперва оказался в окрестностях Красноярска, а затем в Иркутске и в Тунке. Таким образом, в среде заговорщиков он мог действовать довольно свободно, переезжая с места на место по долгу пастьерской службы. Весной 1866 года он жил в Култуке, занимаясь конспиративной деятельностью совместно с Нарцизом Целинским, Леопольдом Эльяшевичем, Казимежем Арцимовичем и Эдвардом Вроньским и другими – решение о вооруженном бунте каторжников на Байкале было к тому моменту уже принято. В Тунке, среди духовенства – согласно материалам следственного дела – он должен был собрать финансовые средства на оружие, закупить его и отвезти в Култук заговорщикам. План абсолютно нереальный и невыполнимый хотя бы по той причине, что

Новаковский с первого же дня пребывания в Тунке находился под строгим надзором полиции, а прибывавшие туда первые священники финансами не располагали. Насколько Кароль Новаковский ввел в курс дела тункинских духовных лиц, мы не знаем. Ясно, что повстанческие планы ксендзы не одобряли («светские решили восстание делать, сагитировав дурней – тех, что поактивнее», – прокомментировал это один из священников), о финансовой поддержке говорить не приходится, поскольку денег у тункинских изгнанников не было. Иркутские власти выследили Новаковского во время восстания.

Некоторые ссылные ксендзы, хоть официально и были направлены на поселение в Тунку, так туда и не добрались. Избежал этого поселенец из Никольска (Красноярский округ), уже упоминавшийся ксендз из Люблинской епархии – Ян Хыличковский из Горая, занимавшийся земледелием, скотоводством и торговлей, сотрудничавший с местными жителями, обучавший их современным способам возделывания земли, завоевавший уважение и поддержку деревенского сообщества. Благодаря заступничеству тамошних крестьян перед иркутскими чиновниками в 1866 году Хыличковского оставили в Никольске; в 1880-е годы он вернулся в Польшу и в конце XIX века издал оригинальный труд «Сибирь с этнографической, административной, сельскохозяйственной и промышленно-торговой точки зрения», описывая этот регион как край, открывающий перед людьми предпринимчивыми огромные возможности благополучной и обеспеченной жизни – т.е. землю никак не проклятую, а «обетованную». Не попали в Тунку пиарист отец Хуберт Лещиньский из города Ополе-Любельске, находившийся на забайкальской каторге до 1870-х годов (потом он вернулся в Галицию) и Ипполит Сивицкий (Савицкий) из Литовского генерал-губернаторства, скончавшийся в Чите 6 апреля 1865 года. Умерли во время этапа с Нерчинской каторги в Тунку два других священника: в Верхнеудинске (в настоящее время – Улан-Удэ) в сентябре 1868 года – тринитарий Марцелий Травиньский из Варшавы, а в Чите 15 ноября того же года – капуцин Мариан Пиньский из Закрочима, в возрасте пятидесяти шести лет.

Согласно официальным данным о количестве и местах поселения польских ссыльных в Иркутской губернии, а также спискам прихожан Иркутского прихода (составленным ксендзом Кшиштофом Швермицким), в Тунке в разные периоды насчитывалось: в марте 1866 года – около тридцати духовных лиц, на 22 октября 1866 года – шестьдесят семь, на 1 декабря 1867 года – восемьдесят, на 9 июня 1868 года – девяносто одно, на 11 октября того же года – сто двадцать, в январе 1869 года – сто девятнадцать, а 23 августа того же года – сто сорок три, на 27 мая 1870 года – сто сорок четыре, 19 июня 1872 года – сто тридцать три, 2 июня 1873 года – девяносто девять, 1 января 1874 – девяносто одно, 1 февраля 1875 года – семьдесят два, в 1876 году – всего восемь.

В период с 1866 по 1876 годы в Тунке в общей сложности проживало сто пятьдесят шесть духовных лиц (на момент ссылки самому старшему из них было почти семьдесят четыре года, младшему – девятнадцать), мирских и монашествующих, в том числе двое бывших униатов (официально православных). Почти треть от этого числа составляли жители Западного края¹. Около девяноста духовных лиц происходило из четырех епархий: из Царства Польского – из Варшавской и Плоцкой, а из Литовского генерал-губернаторства – из Вильненской и Жмудской, из каждой по двадцать с лишним человек. Из Варшавы – одиннадцать человек, из Вильно – два. Это «особое внимание» к четырем епархиям было связано как с бóльшим участием тамошнего духовенства в повстанческом движении, так и с их большей численностью по сравнению с другими епархиями. Подавляющее большинство составляли священники: более ста епархиальных, около сорока пяти монашествующих, остальные – монашеская братия и семинаристы. Это были – по оценкам властей – опаснейшие политические преступники периода Январского восстания: повстанцы, капелланы, члены подпольной организации, агитаторы, «политические» проповедники и т.д. Словом, те, кто больше всего способствовал развитию повстанческого движе-

¹ Восточные воеводства Речи Посполитой Обоих Народов, полученные Российской империей в результате разделов Польши (1772–1795), составляющие территорию, не вошедшую в созданное в 1815 г. Царство Польское.

ния в Царстве Польском, в Литовском генерал-губернаторстве и Галиции. По нашим сведениям, в эту группу попали также невиновные, но тогдашние российские власти пользовались собственными критериями, согласно которым «подозреваемый» означало «виновный»!

Ссылные жили в разных частях деревни, в том числе и на окраинах. «Тунка довольно велика, – писал в 1869 году в письме один из ее вынужденных жителей, ксендз Станислав Помирский. – Нас раскидало по разным ее краям. Чтобы просто навестить кого-то или зайти по делу, порой приходится прошагать семь-восемь верст, а то и больше, путь немалый, весь потом обольешься».

Ксендз Куляшинский живописно рассказывает о том, как, зная разницу между повседневными обычаями местных жителей и ссылных, можно было на протяжении дня распознать в тункинском пейзаже дома ксендзов: «Тункинские крестьяне имеют обыкновение зимой и летом топить печь и держать в ней приготовленную пищу; мы же топим позже, после утренней службы во благодарение Господа, что сохранил нам жизнь и здоровье: и многочисленные столбики дыма на фоне степи, поднимающиеся в глубокой тишине к небу, указывали на дома ссылных священников. Эта картина разрывала мне сердце, напоминая, сколько служителей Церкви обречено на бездеятельность!»